

**КОМПЛЕКСЫ НАЧАЛА ЭПОХИ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА VII–VI вв. до н. э.
ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ
(МОГИЛЬНИК КАРАСЬЕ–11):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ¹**

В статье представлены результаты раскопок некрополя Карасье-11 начала эпохи раннего железного века из лесостепного Зауралья (Заводоуковский район Тюменской области) — VII–VI вв. до н. э. В полевом сезоне 2019 г. были изучены курганы № 2 и 3 с одиночными погребениями. Могила 1 из кургана 2 не содержала находок и останков погребенного, но, судя по размерам и глубине, она принадлежала ребенку. Погребение из кургана 3 было совершено на дневной поверхности в деревянном коробе, останки умершего, представленные в основном нижними конечностями, имели следы термического воздействия (кремации). По наконечникам стрел и датам анализа органики по C¹⁴ курган 3 датируем периодом VII–VI вв. до н. э. Публикуемые в статье материалы отчасти заполняют лакуну в источниковой базе по погребальному обряду населения лесостепного Зауралья начала I тысячелетия до н. э.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ранний железный век, Западная Сибирь, культуры раннесакского времени, баитовская, гороховская, иткульская культуры.

The article presents the results of excavations of the Karasye-11 necropolis from the early Iron Age in the forest-steppe region of Trans-Urals (Zavodoukovsky District, Tyumen Region) — 7th–6th centuries BC. During the 2019 field season, kurgans 2 and 3 with single graves were studied through two excavations covering a total area of

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН, финансируемого Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

86 sq. m. Grave 1 from barrow 2 contained no finds or remains of the buried individual; however, judging by its size and depth, it belonged to a child. The burial from grave 3 was made at ground level in a wooden box, with the remains of the deceased primarily consisting of lower limbs, showing signs of thermal exposure (cremation). Based on the arrowheads and C14 dating, barrow 3 is dated to the 7th–6th centuries BC. The materials published in this article partially fill a gap in the source base regarding the burial rites of the population of the forest-steppe of Trans-Urals during the second third of the 1st millennium BC.

KEY WORDS: early Iron Age, Western Siberia, cultures of the early Saka period, Baitovo culture, Gorokhov culture, Itkul culture.

Введение. Лесостепь Притоболья, в частности междуречье рр. Исети и Тобола, насыщена археологическими памятниками разных эпох. Среди них особое место занимают комплексы эпохи раннего железного века. Несколькими поколениями исследователей была создана широкая база источников, формирующая основу наших представлений о времени существования, этническом, социальном и экономическом аспектах изучения байтовской, гороховской, саргатской и кашинской культур [Корякова, 1988, 1991, 1994; Комплексное изучение условий жизни..., 2005; Цембалюк, 2017; Матвеева, Проконова, Овчинников, 2021; Шарапова, 2022]. Тем не менее до сих пор остаются нераскрытыми отдельные стороны культуры ранних этапов железного века накануне появления в регионе саргатской культуры.

Как известно, начальный этап раннего железного века в лесостепном Притоболье тесно связан с формированием и развитием байтовской культуры [Стоянов, 1969; Могильников, 1970; Матвеева, 1989; Корякова, 1991; и др.], иткульской (восточный вариант) [Зими́на, Зах, 2009] и гороховской [Матвеева, 2019]. По современным оценкам начало функционирования их памятников приходится на период VIII–VII вв. до н. э. [Цембалюк, 2017, с. 13–14] на обширных территориях лесостепи Тоболо-Ишимья. Как указывают исследователи, их культуры базировались на традициях местного населения эпохи поздней бронзы: бархатовская [Зими́на, Зах, 2009, с. 202–210; Матвеев, Аношко, Агишева, 2005, с. 80] и межовская [Матвеева, 2019, с. 11], под влиянием таежных (гамаюнская культура) и степных мигрантов [Таиров, Любчанский, 2007]. С V в. до н. э. в лесостепи Зауралья и Западной Сибири распространяется саргатская культура, определившая процесс культурогенеза в течение всей второй половины I тыс. до н. э. [Цембалюк, 2008, с. 120–123; Цембалюк, 2017, с. 14–15]. Несмотря на детальные реконструкции экономики, хозяйства, ремесел и домостроительства, нам практически неизвестны

погребальные традиции населения лесостепи Зауралья начала эпохи раннего железного века накануне саргатской эпохи. В данном контексте актуальна публикация материалов могильника Карасье-11, изученного нами в 2019 г.

Источники. Могильник Карасье-11 был обнаружен в 2,5 км северо-западнее от оз. Карасье (см. рис. 1, *А*), в 10 км западнее от д. Сунгурово в 1990-е гг. Н. П. Матвеевой, затем повторно обследован и составлен топографический план экспедицией А. В. Матвеева [1996]. Могильник состоит из 20 курганов округлой формы в диаметре до 15 м, вытянутых в цепочку по направлению ЗСЗ–ВЮВ на расстоянии 350–400 м. Насыпи высотой до 1,2 м в большинстве случаев имеют следы от грабительских ям. Курганы могильника заходят в лес, поросли папоротником, соснами и осинами (см. рис. 1, *Б*). Памятник был выбран для исследований в связи с поиском новых материалов эпохи Великого переселения народов, так как конфигурация некрополя и морфология насыпей имеют близкое сходство с изученными до этого могильниками позднего этапа саргатской культуры Карасье-9 [Ковригин, Ражев, 2007] и раннего этапа бакальской культуры Устюг-1 [Матвеева, 2016]. По итогам работы были изучены курганы 2 и 3.

Курган 2 расположен в 15 м юго-восточнее от кургана 3, в 5 м юго-западнее от кургана 1 (см. рис. 1, *Б*). Представлен небольшой насыпью высотой до 0,35 м от пола. Поверхность кургана хорошо задернована, заросла высокой травой. Раскоп разбит размером 6×7 м, ориентирован по линии С–Ю. По центру, на поверхности насыпи, фиксировалась небольшая западина глубиной до 0,2 м, возможно, оставшаяся после попытки ограбления. Напластования кургана 2 отражают следующую последовательность: 1) дерново-гумусный слой — современная дневная поверхность (5–10 см); 2) темно-серая супесь — тело насыпи (до 60 см); 3) коричневый суглинок — материк.

После снятия насыпи (см. рис. 2, *А, Б*) на общем фоне материка очертились подпрямоугольные контуры погребения 1 со скругленными углами. Оно было заполнено серо-коричневой супесью. У юго-восточного угла сохранились спекшиеся кусочки бересты. Других находок не было.

Погребение 1 размером 1,65×0,82 м и глубиной 0,45 м с округлым дном и покатыми стенками. Стратиграфический разрез могилы показывает однородное ее заполнение серо-коричневой супесью (см. рис. 2, *Б*). Могила не содержала каких-либо находок и останков умершего. Можно предположить, что погребение было полностью ограблено еще в древности, об этом говорят нарушенные полотна бересты, а также западины, фиксировавшиеся на поверхности кургана.

Курган 3 высотой до 0,4 м округлой формы. Раскоп заложен по линии С–Ю прямоугольной формы размером 6×8 м с выключкой в квадратах А–В по линии 8. Грабительских ям, как и других нарушений, у кургана не было обнаружено, поверхность хорошо задернована. Структура стратиграфической колонки такая же, как у кургана 2.

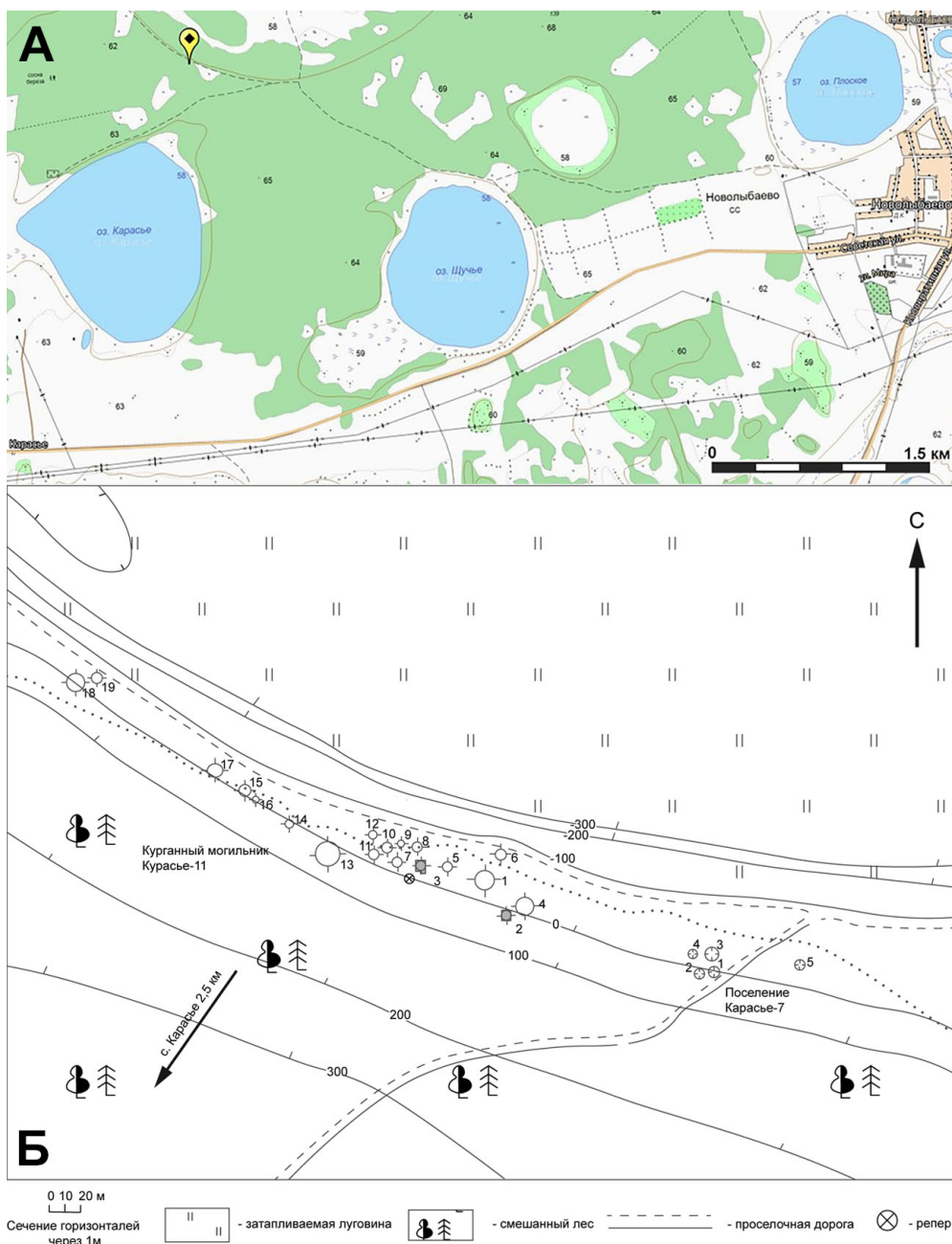

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника (А), топографический план памятника и расположение раскопов (Б)

Погребение 1 (см. рис. 3, А, Б) было совершено на уровне погребенной почвы из серой супеси на уровне от -9 до -13 см, поскольку на материке не было зафиксировано следов от ямы, чему не противоречат боковой и поперечный разрезы погребения (см. рис. 3, Б).

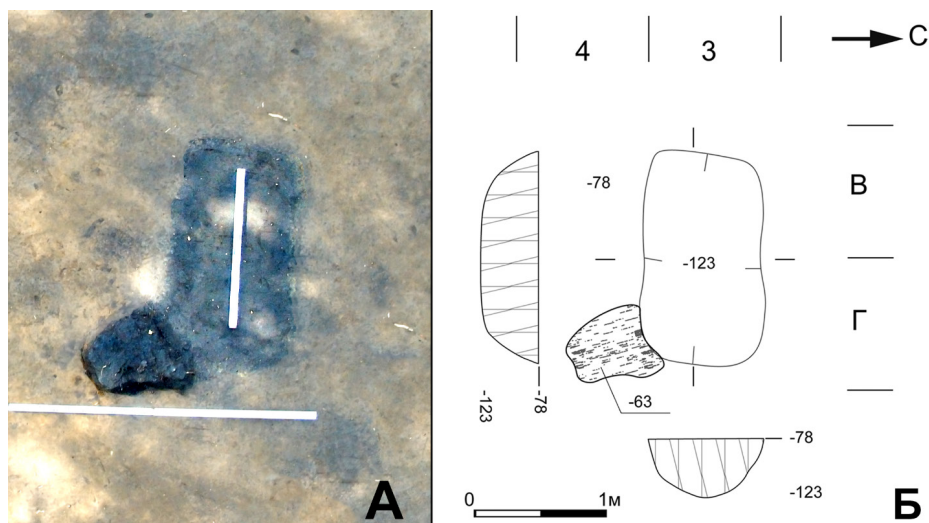

Рис. 2. Вид с востока на погребение 1 кургана 2 (А), чертеж могилы (Б)

Как представляется, тело умершего было помещено в прямоугольный деревянный короб. Его остатки занимают квадраты Б–Е/1–6 и ориентированы на СЗ–ЮВ. По расположению полотен коры и бересты читаются ЮЗ и СВ боковые стенки в квадратах Д–В/4–6 и Г–Е/2–4 соответственно размером 1,5×0,8 м, задняя и головная стенки в квадратах Д–Е/5–6 и Б–Г/2–4 соответственно размером 0,8×1,2 м. Можно предположить, что короб был шириной 1,2 м, длиной 2,4 м и высотой до 0,8 м.

Нижние конечности индивида 1 (♂, *adultus-senilis*¹), представленные фалангами пальцев ног, пяточными, плюсневыми, малыми и большими берцовыми костями, располагались *in situ* в квадратах Г–Д/4–5, тогда как фрагменты черепной коробки — в квадратах В–Г/3. Все кости темно-коричневого цвета, хрупкие из-за термического воздействия. Можно предположить позу погребенного вытянуто на спине, головой на северо-запад. В 15 см от левого колена индивида 1, в квадрате Д4, были обнаружены пять наконечников стрел (четыре — из бронзы, один — из кости), уложенные кучкой остриями в юго-восточную сторону (см. рис. 3, Б). К сожалению, при снятии костяной наконечник стрелы превратился в труху. Кроме этого, в головном конце погребения в квадрате Г3 зафиксированы мелкие фрагменты от стенок керамических сосудов.

Площадь вокруг деревянных частей конструкции доведена до материка. Находок не обнаружено. Затем были сняты остатки короба. Береста и кора от него спекшаяся, обугленная с наружной стороны. Если и был поджог всей конструкции вместе с телом погребенного перед сооружением кургана, то термическое воздействие было непродолжительным.

¹ Определение А. В. Слепцовой, кандидата исторических наук, научного сотрудника сектора антропологии Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН.

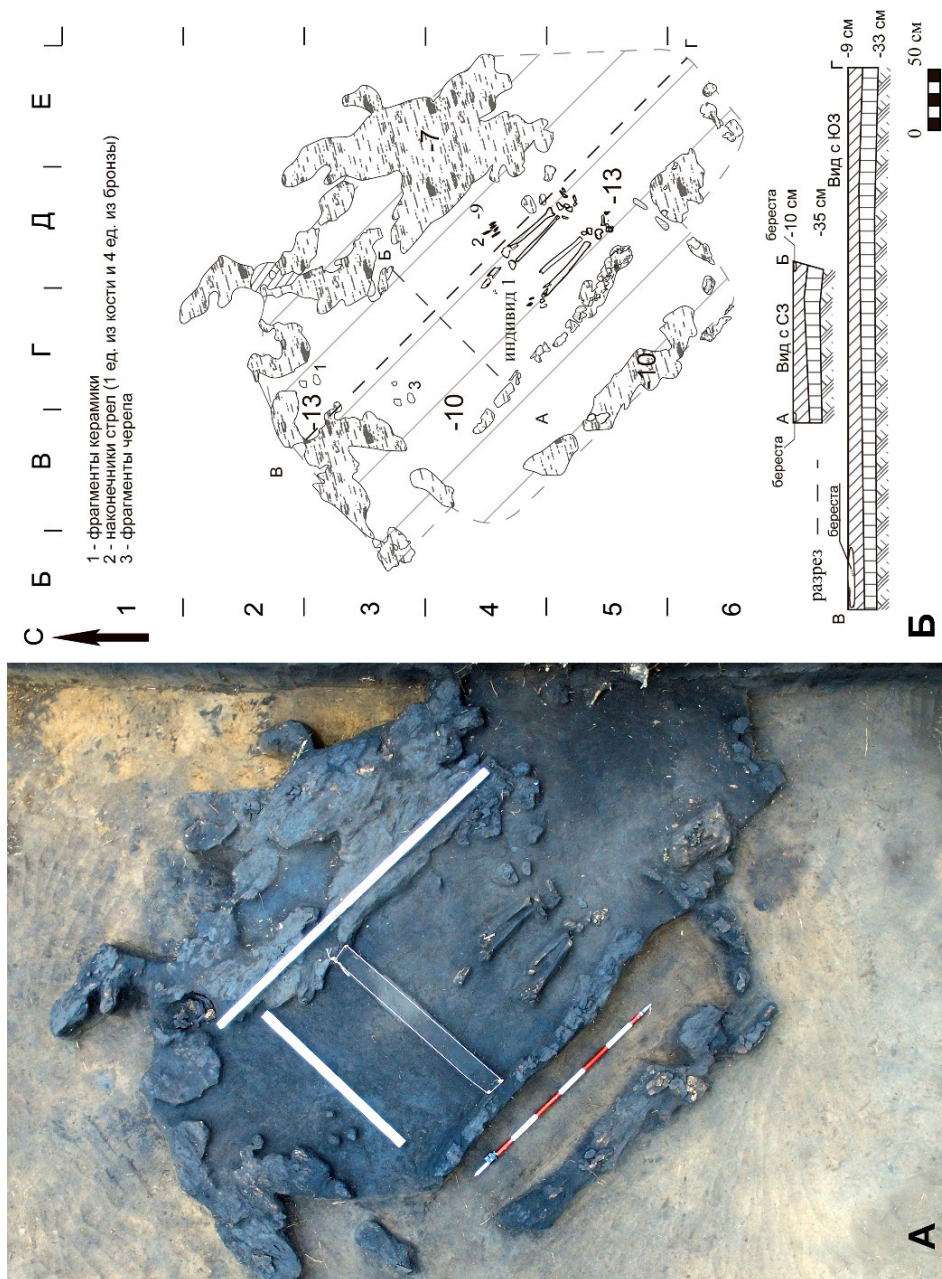

Рис. 3. Вид с юга на погребение 1 кургана 3 (А), чертеж могилы (Б)

В целом, характеризуя обрядность, отметим, что в могильнике сочетаются два варианта захоронений: 1) в подпрямоугольной яме с широтной ориентировкой и надмогильным деревянным перекрытием (погребение 1 кургана 2); 2) на дневной поверхности с меридиональной ориентировкой (головой в северо-западный сектор) и частичной кремацией, совершенной в деревянном коробе (погребение 1 кургана 3). К общим признакам можно отнести: совершение погребений под небольшой земляной насыпью, скудность погребального инвентаря, использование при захоронениях деревянных конструкций в виде коробов или перекрытий, отсутствие керамики.

Вещевой комплекс и датировка. Вещи были получены только из погребения 1 кургана 3. *Керамика* представлена двумя фрагментами верхней части и стенкой сосуда размерами 5×4,5 см и 5,5×7 см и толщиной до 0,5 см. Орнамент выполнен оттисками гребенки, формирующей несколько узоров: зигзаг и псевдошнур. Поверхность серо-коричневого цвета указывает на то, что сосуд обжигался в окислительно-восстановительной среде. Подобные орнаментальные мотивы и морфология характерны для сосудов полуденковской культуры эпохи неолита, что говорит о кратковременном пребывании неолитического населения на берегу оз. Карасье, на площадке, позднее использованной под могильник.

Медные наконечники стрел (4 единицы) (см. рис. 4, А: 1–4). Они несколько отличаются по размеру, однако все относятся к типу трехлопастных со сводчатой головкой и выступающей втулкой. Всего в коллекции насчитывается четыре образца высотой 3 (см. рис. 4, А: 2–3), 2,5 (см. рис. 4, А: 1) и 4 см (см. рис. 4, А: 4), втулка шириной 0,8 см, ширина лопастей — до 0,4 см. По результатам РФА, опубликованного М. М. Проконовой, наконечники были изготовлены из чистой меди (99,30–100%) с незначительным содержанием микропримесей (Fe, Pb) с концентрацией не более 0,7% [Проконова, 2021, с. 229, табл. 1]. Из ближайших нашему материалу аналогий схожие наконечники были обнаружены в слоях поселений иткульской и баитовской культур: Калачик-1 [Зах, 1994; Зах, Цембалюк, 2013, рис. 6, 4, 5], Вак-Кур-2 [Зими́на, Зах, 2009, с. 54, рис. 24, 1; рис. 102, 1], Чепкуль-86 [Зах, Цембалюк, 2009, с. 70, рис. 3, 2], Устюг-2 [Матвеева, Сомова, Цембалюк, 2011, с. 64, рис. 8, 11], Исетское-3 [Костомарова, Липс, Новиков, 2024, с. 36, рис. 2, 1–5], Борки-1 [Матвеева, 1994, рис. 2, 3] и Иткульское-1 [Бельтикова, 1982, рис. 2, 13, 14].

Подобные наконечники были широко распространены в раннесакское время в евразийских степях. По К. Ф. Смирнову, наибольшей популярностью в среде савроматского населения они пользовались в период VI–IV вв. до н. э. (отдел II, тип VI A–Г) [Смирнов, 1961, с. 46–47, табл. II]. По А. И. Мелюковой, аналогичные экземпляры происходят из причерноморских памятников VII–IV вв. до н. э. (отдел II, тип 3, варианты 1–3) [Мелюкова, 1964, табл. 7, Ж, 5, 7]. По С. В. Кузьминых, схожие наконечники бытуют в Волго-Уралье начиная с рубежа VII и VI вв. до н. э. [Кузьминых, 1983, с. 107–108], а в раннесакских памятниках Сырдарьи они датируются VI–V вв. до н. э., например Уйгарак

[Вишневская, 1973, табл. XXV, 10], Южный Тагистен [Итина, Яблонский, 1997, с. 53; рис. 706, 30], не исключая более раннее время их появления.

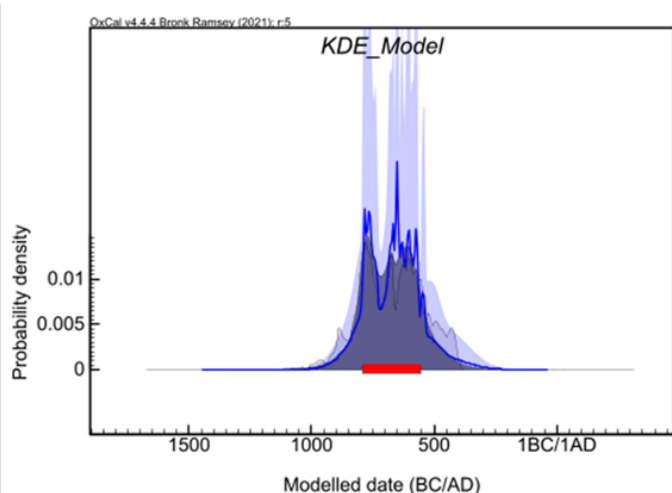
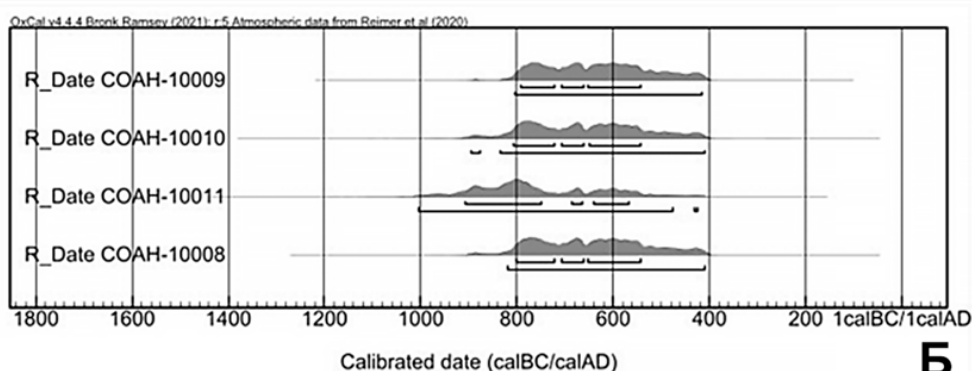

Рис. 4. Вещи из погребения 1 кургана 3 (А), результаты калибровки дат C^{14} (Б), график смоделированной даты методом KDE_Model (В)

По остаткам деревянного гроба были получены четыре даты из разных его мест: 1) 2540 ± 85 (СОАН-10008); 2) 2525 ± 80 (СОАН-10009); 3) 2555 ± 90 (СОАН-10010); 4) 2625 ± 95 (СОАН-10011) (рис. 4, Б). Калибровка произведена в программе OxCal версии 4.4.4 с калибровочной кривой IntCal20 и дала следу-

ющие интервалы календарного возраста: 1) 1σ — 801–545 calBC; 2σ — 819–411 calBC; 2) 1σ — 792 — 544 cal BC; 2σ — 806–416 calBC; 3) 1σ — 807–545 calBC; 2σ — 894–409 calBC; 4) 1σ — 907–569 calBC; 2σ — 1004–426 calBC. Используя непараметрический способ оценки плотности случайной величины (Kernel Density Estimation, KDE) встроенными инструментами OxCal (KDE Model), постараемся выявить усредненный интервал. По итогам анализа графика KDE (рис. 4, *B*) и плотности пиков на нем получили период 800–550 calBC. Эта модель, с одной стороны, показывает, что погребение было совершено не позднее середины VI в. до н. э., а с другой — сильно удревняет нижнюю его дату, что в целом может быть связано с использованием для гроба старой древесины. К сожалению, результаты радиоуглеродного датирования существенно не уточняют широкие датировки наконечников стрел — VII–V/IV вв. до н. э.

Таким образом, суммируя полученные данные по наконечникам стрел и результаты калибровки дат C^{14} , полагаем, что погребение 1 кургана 3 могло быть совершено в течение VII–VI вв. до н. э. Однако остается неясной хронологическая позиция погребения 1 кургана 2, но, судя по конфигурации насыпи и общим признакам обряда, оно могло соответствовать указанному выше периоду.

ОБСУЖДЕНИЕ

При рассмотрении материалов могильника Карасье-11, принимая во внимание гипотезу о возможном наследии достижений финала эпохи бронзы культурами второй трети I тыс. до н. э. Зауралья, нельзя не обратиться за поиском аналогий к погребальным обрядам конца II — начала I тыс. до н. э.

По немногочисленным данным с памятников лесостепного и подтаежного Притоболья (бархатовской, коптяковской, пахомовской и красноозерской археологических культур), таких как Козлов-Мыс-2 [Матвеева, Зимина, 2010], Чепкуль-5 [Зах, Илюшина, 2011], Калачик-1 [Зах, Зах, 1994, с. 32], Усть-Терсюк-2 [Матвеева, Костомаров, 2009], Абатский-3 [Матвеева, 1991, с. 78–84], нам известно, что население постандроновского времени хоронило умерших в неглубоких, в редких случаях не прорезавших материк, одиночных могильных ямах, ориентированных преимущественно по линии З–В, реже — С–Ю. Расположение умерших из-за фрагментарности останков сложно поддается реконструкции, как исключение, отметим ингумации с Калачик-1 и Усть-Терсюк-2, ориентированные головой на юг, а также Абатского-3 с северной и северо-западной ориентировкой. Как правило, покойные были уложены вытянуто на спине, реже — в скорченной позе. Надмогильных сооружений в большинстве случаев зафиксировано не было, исключая пахомовские захоронения Усть-Терсюк-2, вероятно, имевшие невысокую курганную насыпь и деревянные перекрытия, остальные же составляли грунтовые могильники. Погребальный инвентарь скромный во всех случаях и представлен горшками, предметами быта и вооружением (наконечники стрел).

Основным видом погребений межовской культуры лесостепного Приуралья и лесного Зауралья являлись ингумации под небольшими земляны-

ми насыпями в прямоугольных могильных ямах вытянуто на спине, реже в скорченной позе, с широтной ориентировкой. Встречаются редкие типы вторичных захоронений в яме и на дневной поверхности, а также кремации, совершенные на стороне [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 59–67].

Особенная система признаков погребального обряда зафиксирована для лесостепных и подтаежных памятников Прииртышья [Полеводов, 2003; Полеводов, Сафаров, 2018] и Приобья (сузгунская, ирменская культуры) [Молодин, 1985; Матвеев, 1993]. Так, погребальный обряд сузгунского населения характеризуют следующие черты: захоронения на уровне древней дневной поверхности, сочетание надмогильных конструкций в виде простых земляных насыпей и деревянных срубов или рам, доминирование ингумаций в позе вытянуто на спине и головой в северный сектор, нередко безынвентарные захоронения или сопровождаемые только сосудом [Полеводов, 2003, с. 9–10]. Захоронения ирменской культуры тоже выполнены в виде подкурганых ингумаций, совершенных на дневной поверхности, умершие ориентированы в южный сектор в позе скорчено на правом боку с минимальным набором инвентаря (на позднем этапе культуры распространяются безынвентарные захоронения) [Молодин, 1985, с. 131–136; Матвеев, 1993, с. 87–93].

Население Южного Урала и прилегающих степных и лесостепных районов Северного Казахстана конца II — начала I тыс. до н. э. совершало погребения под небольшими каменными насыпями, часть из которых были впускными в курганах более раннего времени или ярусными. Предпочтительным способом захоронения являлась ингумация (единично кремация) в позе вытянуто на спине, головой в западный сектор. Погребальный инвентарь, как отмечают А. В. Епимахов и А. Д. Таиров, крайне беден, нередко могилы не содержали керамических сосудов [Епимахов, Таиров, 2013, с. 220–221].

Гораздо меньше сведений о погребальных обрядах населения начала раннего железного века территории лесостепного Зауралья. К наиболее близким по времени и географии Карасье-11 относятся грунтовые коллективные ингумации из Скворцовской горы V [Чаиркина, 2011], Куртугуза I [Стефанов, 1998; Ковригин, Ражев, 2007; Шарапова, 2022, с. 47–49], а также подкурганные захоронения из Прыговского-II некрополя (курган 1) [Корякова, Шарапова, Ковригин, 2010], Скаты-1 (погребение 2 кургана 3) [Habitats et necropolis... , 2002, fig. 44], Улановка (погребение 3 кургана 4) [Матвеев, 2015] и Турушовский¹ [Матвеев, Матвеева, 1996].

Погребения из Скворцовской горы V и Куртугуза I, по мнению исследователей [Стефанов, 1998; Ковригин, Ражев, 2007; Шарапова, 2022, с. 47–49], продолжают в большей степени традиции населения эпохи бронзы и могут быть отнесены к ритуальным захоронениям иткульской и гамаюнской культур. Они

¹ Полностью ограблен, хотя даты C14 приближены к данным Карасье-11 — 760–410 calBC [Матвеева, 2017, с. 11–12].

представлены бескурганными индивидуальными или коллективными ингумациями, совершенными в овальных или прямоугольных ямах. Умершие в них ориентированы головой в северный сектор, в позе вытянуто на спине, иногда обернуты в бересту. Из-за скоплений разрозненных останков возможны сочетания с ингумациями наземных и воздушных захоронений [Шарапова, 2022, с. 48].

На Прыговском II погребения VII–VI вв. до н. э. представлены сочетанием обрядов ингумации и кремации, широтной и меридиональной ориентировками, наличием захоронений как на дневной поверхности, так и в неглубоких ямах, отсутствием целых сосудов в погребениях, а обломки от них принадлежали гамаюнско-воробьевским экземплярам [Корякова, Шарапова, Ковригин, 2010, с. 70]. Примеры ингумаций в подбоях с меридиональной ориентировкой этого времени известны по погребению 2 кургана 3 Скаты-1 с трехлопастными бронзовыми наконечниками VI–V вв. до н. э. и воробьевско-гороховскими сосудами [Habitats et necropolis..., 2002, fig. 38, 44]. Кроме того, встречаются захоронения на дневной поверхности, окруженные подпрямоугольными ровиками, как в погребении 3 кургана 4 Улановки с сакским жертвенником [Матвеев, 2015, рис. 6].

Подобные сочетания ингумаций в позе вытянуто на спине и кремаций, в яме и на дневной поверхности, сопровождавшиеся сооружением простых земляных насыпей и деревянных надмогильных сооружений, разнообразие ориентировок, бедность инвентаря фиксируются в раннесакских памятниках урало-казахстанских степей [Таиров, 2007, с. 11–16]. Схожие характеристики из Карасьего-11, Прыговского-2, Скаты-1 и Улановки погребения находим в своде К. Ф. Смирнова, в частности в описаниях савроматских могил (VIII–IV вв. до н. э.) [1964, с. 82], а также в подробных обзорах А. Х. Пшеничнока [1983, с. 90], М. К. Хабдулиной [1986, с. 6–13], А. Д. Таирова [2006, с. 256–259]. Соответствуют им наблюдения Л. Т. Яблонского при характеристике сакар-чагинской группы погребений Южного Приаралья [Яблонский, 1996, с. 18–21], которые, в свою очередь, находят весьма близкие параллели в могильниках Уйгарак и Южный Тагискен нижней Сырдарьи [Вишневская, 1973, с. 60–69; Итина, Яблонский, 1997, с. 28–37].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 2019 г. в ходе полевых работ в Заводоуковском районе Тюменской области было исследовано два кургана некрополя Карасье-11. В целом результаты были несколько неожиданными. Предположения, что конфигурация могильника имеет надежные параллели в известных некрополях эпохи Великого переселения народов Притоболья (Устюг-1, Козлов-Мыс-2, Ревда-5) не оправдались, а его материалы относятся к более раннему времени — VII–VI вв. до н. э.

Как выяснилось, погребения могильника Карасье-11 обладают достаточно специфичными характеристиками обряда захоронений, не имеющими аналогов в местных культурах периода финала бронзы и переходного времени. К объединяющим признакам можно отнести лишь традицию захоронений

в небольших земляных курганах. Остальные особенности: кремации, ориентировки и позы погребенных, захоронения на дневной поверхности, использование деревянных конструкций в/на/у погребений, — в культурах конца II — I тыс. до н. э. носят бессистемный характер, тогда как комплексно и широко представлены в памятниках ранних кочевников урало-казахстанских степей.

Так, в VII–VI вв. до н. э., как отмечает А. Д. Таиров, территория урало-казахстанских степей была занята носителями тасмолинской историко-этнографической общности [Таиров, 2007, с. 61]. Особенности их погребальных комплексов, состав инвентаря находят определенную близость с культурами ранних кочевников от Алтая до Урала и Приаралья, что объяснено появлением здесь гетерогенных объединений кочевых племен из районов северного и северо-западного Китая и Монголии вследствие ухудшения климатических условий [Там же, с. 62]. В связи с резким изменением этнокультурного и антропологического состава населения в степях Евразии в раннесакскую эпоху существенным образом изменился погребальный обряд населения, переработавший наследие эпохи поздней бронзы постандроновского мира [Яблонский, 2006, с. 341–366; Епимахов, Таиров, 2013, с. 228].

Несмотря на то что материалы некрополя Карасье-11 укладываются в период формирования культур железного века лесостепного Притоболья, ни с иткульской, ни с баитовской, ни с гороховской культурами связать мы сегодня его не можем. Отдельные погребения Прыговского-2, Скаты-1 и Улановки данную ситуацию не исправляют, поскольку содержат гетерогенный вещевой материал. Тем не менее относительная синхронность, географическая близость зауральских лесостепных памятников позволяют предполагать для них общий макрокультурный контекст формирования под влиянием и/или в связи с подражанием местным населением культуре племен раннесакского круга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

1. Матвеев, А. В. Отчет об изучении археологического комплекса Ингальская долина / А. В. Матвеев // Архив научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Тюменского государственного университета. — Ф. 1. — № 135. — Тюмень, 1996.

Литература

1. Аристократические погребения могильника Карасье 9 / А. А. Ковригин, Л. Н. Корякова, П. Курто [и др.] // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. — Уфа : Гилем, 2006. — С. 188–203.
2. Археологическое наследие Тюменской области : Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева, А. Н. Панфилов [и др.]. — Новосибирск : Наука, 1995. — 240 с.

3. Бельтикова, Г. В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников / Г. В. Бельтикова // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1982. — Вып. 16. — С. 65–77.
4. Вишневская, О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) / О. А. Вишневская. — Москва : Наука, 1973. — 160 с. — (Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции ; т. VIII).
5. Генинг, В. Ф. Курганы у озера Фоминцево / В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1969. — Вып. 8. — С. 90–101.
6. Генинг, В. Ф. Лихачевский могильник на реке Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович // Ранний железный век и Средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1986. — С. 119–133.
7. Епимахов, А. В. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском междуречье (степь и лесостепь) / А. В. Епимахов, А. Д. Таиров // Российский археологический ежегодник. — 2013. — № 3. — С. 212–232.
8. Зах, В. А. Баитовский комплекс поселения Чепкуль 86 / В. А. Зах, С. И. Цембалюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — № 10. — С. 65–73.
9. Зах, В. А. Городище раннего железного века Калачик-1 на Тоболе / В. А. Зах, Е. М. Зах // Западная Сибирь — проблемы развития. — Тюмень : Издательство Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 1994. — С. 32–44.
10. Зах, В. А. Позднебронзовый могильник Чепкуль 5 в Нижнем Притоболье / В. А. Зах, В. В. Илюшина // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2011. — № 1 (14). — С. 20–29.
11. Зах, В. А. Комплексы раннего железа и Средневековья городища Калачик 1 в Нижнем Притоболье / В. А. Зах, С. И. Цембалюк // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 54–67.
12. Зими́на, О. Ю. Притоболье на рубеже бронзового и железного веков / О. Ю. Зими́на, В. А. Зах. — Новосибирск : Наука, 2009. — 232 с.
13. Итина, М. А. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагистен) / М. А. Итина, Л. Т. Яблонский. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 187 с.
14. Ковригин, А. А. Новые исследования могильника Куртугуз I / А. А. Ковригин, Д. И. Ражев // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. — Вып. 5. — С. 157–175.
15. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири (проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке) / Н. П. Матвеева, Н. С. Ларина, С. В. Берлина, И. Ю. Чикунова. — Новосибирск : Наука, 2005. — 228 с.
16. Корякова, Л. Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири : (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века) /

- Л. Н. Корякова. — Екатеринбург : Издательство Уральского отделения Академии наук СССР, 1991. — 53 с.
17. Корякова, Л. Н. Прыговский 2 могильник : кочевники и лесостепь / Л. Н. Корякова, С. В. Шарапова, А. А. Ковригин // Уральский исторический вестник. — 2010. — № 2 (27). — С. 62–71.
 18. Корякова, Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) / Л. Н. Корякова. — Свердловск, 1988. — 240 с.
 19. Костомарова, Ю. В. Ассортимент изделий из цветного металла раннего железного века поселения Исетское 3 в Нижнем Приисетье / Ю. В. Костомарова, С. А. Липс, И. К. Новиков // Нижневолжский археологический вестник. — 2024. — Т. 23, № 2. — С. 25–45.
 20. Кузьминых, С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) / С. В. Кузьминых. — Москва : Наука, 1983. — 257 с.
 21. Матвеев, А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье / А. В. Матвеев. — Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 1993. — 181 с.
 22. Матвеев, А. В. Раскопки курганного могильника Улановка / А. В. Матвеев // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. — Вып. 7. — С. 26–36.
 23. Матвеев, А. В. Раскопки могильников раннего железного века на Исети / А. В. Матвеев, Н. П. Матвеева // Тюменский исторический сборник : материалы научной конференции, посвященной 50-летию исторического факультета Тюменского государственного университета / под ред. В. В. Коновалова. — Тюмень, 1996. — С. 3–19.
 24. Матвеев, А. В. Результаты исследования селища Заводоуковское 9 / А. В. Матвеев, О. М. Аношко, О. С. Агишева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2005. — № 6. — С. 73–81.
 25. Матвеева, Н. П. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья / Н. П. Матвеева // Российская археология. — 2019. — № 1. — С. 4–19.
 26. Матвеева, Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников) / Н. П. Матвеева. — Тюмень, 2016. — 264 с.
 27. Матвеева, Н. П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи / Н. П. Матвеева // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 1989. — С. 77–102.
 28. Матвеева, Н. П. Первые погребения переходного периода от бронзового века к железнному в лесостепном Приишимье / Н. П. Матвеева // Древние погребения Обь-Иртышья. — Омск, 1991. — С. 78–84.
 29. Матвеева, Н. П. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) / Н. П. Матвеева // Российская археология. — 2017. — № 4. — С. 3–20.
 30. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Приишимья / Н. П. Матвеева. — Новосибирск : Наука, 1994. — 152 с.

31. Матвеева, Н. П. Баитовский комплекс поселения Устюг-2 (из раскопок могильника Устюг-1) / Н. П. Матвеева, М. А. Сомова, С. И. Цембалюк // АВ ORIGINE : археолого-этнографический сборник. — Тюмень : Вектор Бук, 2011. — Вып. 3. — С. 51–72.
32. Матвеева, Н. П. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири / Н. П. Матвеева, В. М. Костомаров // Вестник Тюменского государственного университета. — 2009. — Вып. 4. — С. 14–24.
33. Матвеева, Н. П. О развитии саргатской культуры в Притоболье (по материалам могильника Устюг-1) / Н. П. Матвеева, М. М. Проконова, И. Ю. Овчинников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2021. — № 1 (52). — С. 20–32.
34. Матвеева, Н. П. Погребения рубежа финальной бронзы — переходного времени к железному веку в Тюменском Притоболье / Н. П. Матвеева, О. Ю. Зимина // Андроновский мир : сборник статей. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2010. — С. 145–154.
35. Мелюкова, А. И. Вооружение скифов / А. И. Мелюкова // Свод археологических источников. — Москва : Наука, 1964. — Вып. Д1-4. — 91 с.
36. Могильников, В. А. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа / В. А. Могильников // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск : Издательство Томского государственного университета, 1970. — С. 172–202.
37. Молодин, В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. — Новосибирск : Наука, 1985. — 200 с.
38. Обыденнов, М. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры) / М. Ф. Обыденнов, А. Ф. Шорин. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 1995. — 196 с.
39. Полеводов, А. В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Полеводов. — Москва, 2003. — 30 с.
40. Полеводов, А. В. Курганный могильник Саргатское-IV. К специфике культурно-исторических процессов в лесостепном Прииртышье в конце эпохи бронзы (по материалам погребальных комплексов) / А. В. Полеводов, М. Ю. Сафаров // Теория и практика археологических исследований. — 2018. — № 2 (22). — С. 63–79.
41. Проконова, М. М. Металлические изделия из памятников саргатской культуры Притоболья / М. М. Проконова // Теория и практика археологических исследований. — 2021. — Т. 33, № 4. — С. 221–243.
42. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. — Москва : Наука, 1983. — 200 с.
43. Смирнов, К. Ф. Вооружение савроматов / К. Ф. Смирнов // Материалы и исследования по археологии СССР. — Москва, 1961. — Вып. 101.
44. Смирнов, К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов / К. Ф. Смирнов. — Москва : Наука, 1964. — 379 с.

45. Стефанов, В. И. Куртугуз-I — могильник раннего железного века Среднего Зауралья / В. И. Стефанов // Урал в прошлом и настоящем : материалы научной конференции. — Екатеринбург : Уральское отделение Российской академии наук : Банк культурной информации, 1998. — Ч. 1. — С. 112–116.
46. Стоянов, В. Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века / В. Е. Стоянов // Краткие сообщения Института археологии. — Москва : Наука, 1969. — Вып. 119. — С. 52–61.
47. Таиров, А. Д. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей / А. Д. Таиров // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). Серия «Этногенез уральских народов». — Челябинск, 2006. — С. 256–299.
48. Таиров, А. Д. Кочевники урало-казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. / А. Д. Таиров. — Челябинск : Издательство Южно-Уральского государственного университета, 2007. — 274 с.
49. Таиров, А. Д. Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. / А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2007. — № 21. — С. 108–119.
50. Хабдулина, М. К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII–II вв. до н. э.) / М. К. Хабдулина // Ранний железный век и Средневековые Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1986. — С. 3–25.
51. Цембалюк, С. И. Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. И. Цембалюк. — Тюмень, 2017. — 20 с.
52. Цембалюк, С. И. К проблеме генезиса баитовской культуры / С. И. Цембалюк // Седьмые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : материалы Всероссийской научной конференции. — Омск : Издательство Омского государственного университета, 2008. — С. 120–123.
53. Чаиркина, Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья (по материалам погребально-культовой площадки Скворцовая гора V) / Н. М. Чаиркина. — Екатеринбург : Уральское отделение Российской академии наук, 2011. — 224 с.
54. Шарапова, С. В. Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири / С. В. Шарапова. — Екатеринбург : Уральский рабочий, 2022. — 208 с.
55. Яблонский, Л. Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников) / Л. Т. Яблонский. — Москва, 1996. — 185 с.
56. Яблонский, Л. Т. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века / Л. Т. Яблонский // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культуругенеза). Серия «Этногенез уральских народов». — Челябинск, 2006. — С. 341–366.
57. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997 / M.-Y. Daire, L. Koryakova, V. Buldashov [et al.] // *Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale*. — Paris : Diffusion de Broccard, 2002. — Vol. XI. — 291 p.